

5-й Восточно-Сибирекій стрѣлковый полкъ на Кинджоу и въ Артурѣ.

(Продолженіе ¹⁾).

Волки прошли за Тайфашинъ, и передъ непріателемъ стала Цзиньджоуская позиція, готовая встрѣтить его градомъ снарядовъ и пуль. Но непріатель не показывался, и все приняло свой обычный видъ. Ночью 4-го мая изъ передовыхъ конныхъ постовъ донесли, что непріатель занялъ переваль у желѣзнодорожнаго моста и пѣшими небольшими частями сильно тѣснить наши посты, на линіи которыхъ всю ночь шла оживленная перестрѣлка. Тогда же доносили съ праваго фланга, что непріатель и тамъ потѣснилъ наши сторожевыя линіи; отсюда прибыло нѣсколько раненыхъ; очевидно, непріатель располагался вокругъ Цзиньджоуской позиціи. Къ утру изъ донесеній съ линіи охраны было ясно, что японцы заняли всѣ лежащія передъ Цзиньджоуской позиціей высоты и укрѣпляютъ на нихъ. Но утромъ на этихъ высотахъ японцевъ мы не замѣтили; осторожный непріатель носа не показывалъ изъ-за впереди лежащихъ переваловъ и высотъ. Только къ полудню замѣчены были земляныя работы на перевалѣ у Шаселитезы, верстахъ въ 7-ми отъ позиціи; присматриваясь внимательнѣе, мы замѣтили и болѣе близкія работы; это

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1909 г. № 1.

никакого приказанія не отдавалъ». Тогда генераль Надѣинъ подалъ записку, подписанную капитаномъ Романовскимъ, въ которой было ясно сказано, что генераль Фокъ приказалъ отступать. Потребовали капитана Романовскаго, и онъ подтвердилъ, что дѣйствительно генераль Фокъ приказалъ ему написать эту записку. Генераль Фокъ былъ пораженъ этимъ обстоятельствомъ и на будущее время приказалъ, въ важныхъ случаяхъ, вѣрить только запискамъ, имъ самимъ подписаннымъ.

8-го мая на позицію пріѣхалъ генераль Стессель. Видимо онъ былъ недоволенъ предыдущимъ сраженіемъ, а когда узналъ, что командиръ нашей 6-й роты капитанъ Гомзяковъ былъ раненымъ оставленъ на полѣ сраженія, негодованію его не было предѣловъ; онъ разбранилъ 6-ю роту, а младшаго офицера этой роты шт.-капитана Сычева,—такъ же разбранивши, отставилъ отъ командованія ротой и не велѣлъ представлять къ наградамъ. Собственно говоря, рота и младшій офицеръ мало были виноваты. Капитана Гомзякова изъ боя вынесли въ китайскую фанзу; привели лошадь, чтобы увезти на перевязочный пунктъ, но ѣхать на лошади онъ не могъ и послалъ за санитарной двуколкой; людей, принесшихъ его, онъ отправилъ въ бой, говоря, что они тамъ нужны, а самъ съ фельдшеромъ сталъ ожидать двуколку; въ это время наши начали отступать, и капитанъ Гомзяковъ, отдавши шашку фельдшеру, приказалъ ему уходить, говоря, что «ты мнѣ не поможешь, и тебя, если останешься, убьютъ, а ты въ ротъ нуженъ». Капитанъ Гомзяковъ былъ взятъ японцами въ плѣнъ и тамъ отъ ранъ умеръ.

Бой подъ Шаселитезой и Чифонтаномъ стоилъ намъ большихъ непріятностей и около ста человѣкъ, выбывшихъ изъ строя. Осмотрѣвши Цзиньджоускую позицію, генераль Стессель направился въ городъ, который уже велъ борьбу съ обложившимъ его съ сѣверной стороны непріателемъ. Когда мы вѣхали въ ворота, пули довольно часто стали свистать вдоль улицы, и генераль, доѣхавши до кумирни, повернулъ назадъ и благополучно возвратился на позицію. Нечего и говорить, что роты стояли въ своихъ окопахъ и были расположены такъ, какъ указано на картѣ № 1-й; люди спали въ траншеяхъ и на батареяхъ; охрана ночью состояла изъ сторожевой цѣпи охотничьихъ командъ и линіи секретовъ отъ ротъ, занимающихъ траншеи. Я очень опасался ночного штурма, который, вслѣдствіе малочисленности защитниковъ, вполне могъ быть удачнымъ. Къ этому заключенію меня приводило и то обстоятельство, что непріатель не торопился и, видимо, подробно изучалъ мѣстность; поэтому мы были на чеку.

9-го мая, рано утромъ, на стѣнахъ города слышалась сильная перестрѣлка и стрѣльба изъ орудій. Намъ съ позицій не было видно непріятеля, но по телефону комендантъ передалъ мнѣ, что японцы готовятся штурмовать стѣны. За городъ я не безпокоился: тамъ было 400 человекъ защитниковъ и 60 банокъ съ порохомъ, которыя мы снарядили, чтобы бросать въ подошедшаго къ стѣнамъ непріятеля. Кромѣ того, по требованію коменданта, я усилилъ гарнизонъ $\frac{1}{2}$ ротой 9-й роты съ командиромъ ея, капитаномъ Соколовымъ. Взять городъ безъ сильной артилерійской подготовки было нельзя; но обойти его и атаковать позицію съ праваго фланга было возможно. Поэтому мы спокойно наблюдали за ходомъ дѣла, отыскивая цѣли для нашей артилеріи, но этихъ цѣлей не представлялось. Первая атака города была легко отбита; но непріятель засѣлъ въ сѣверо-западномъ предмѣстьѣ, которое отъ огня съ позиціи было совершенно закрыто городской стѣной; поэтому, съ этого времени, въ городѣ ружейная трескотня не прекращалась. Городъ, какъ передовой пунктъ позиціи, начиналъ играть свою роль.

Очень жаль, что мы, видимо, не рѣшались упорно оборонять позицію у Кинджоу. Положимъ, что эта упорная оборона была нѣсколько рискована, ибо непріятель могъ попытаться высадить свои войска южнѣ позиціи, и тогда мы могли бы быть отрѣзанными отъ Артура; но съ другой стороны и непріятель рисковалъ, дѣлая высадку подъ самымъ нашимъ носомъ; да къ тому же онъ уже выбросилъ противъ насъ значительныя силы съ сѣвера, и давать еще войска (дивизіи двѣ) противъ Артурскаго гарнизона, для него, можетъ быть, было бы трудно. Поэтому могу указать съ большою вѣроятностью на правильность предсказанія, что если бы мы рѣшили защищать упорно Кинджоусскую позицію и снабдили бы наши батареи крупными орудіями, установили бы бригаду полевой артилеріи въ помощь орудіямъ позиціи, то надолго остановили бы непріятеля передъ Кинджоу, и онъ, вѣроятно, былъ бы вынужденъ открыть противъ насъ постепенную атаку. А тѣмъ временемъ войска крѣпости успѣли бы укрѣпить позиціи передъ ней болѣе надежнымъ образомъ, чѣмъ это было сдѣлано впоследствии.

Непріятель нѣсколько разъ пытался штурмовать городъ, но его постоянно отбивали. Однажды японскіе саперы поднесли къ воротамъ большой зарядъ пироксилина, но стрѣлки убили подожившихъ и зарядъ взяли въ городъ. Ведя операціи противъ города, непріятель въ то же время строилъ батареи на склонахъ горъ, обращенныхъ къ городу, и укрѣплялъ высоты у д. Шаселитезы.

Осторожность его насъ рѣшительно удивляла; мы старались мѣшать этимъ работамъ огнемъ съ позиціи, но огонь этотъ за дальностью былъ мало дѣйствителенъ.

9-го числа вечеромъ была привезена на позицію 6-ти дюймовая пушка Кане; я рѣшилъ поставить ее на центральномъ редутѣ, чтобы можно было обстрѣливать оба залива. Работы началъ тотчасъ же. 10-го и 11-го и днемъ, и ночью работала надъ установкой этого орудія цѣлая рота, и къ утру 12-го числа установка эта была почти готова, но еще не успѣли орудіе положить на лафеть, какъ началась усиленная бомбардировка, которая и помѣшала на шей работѣ.

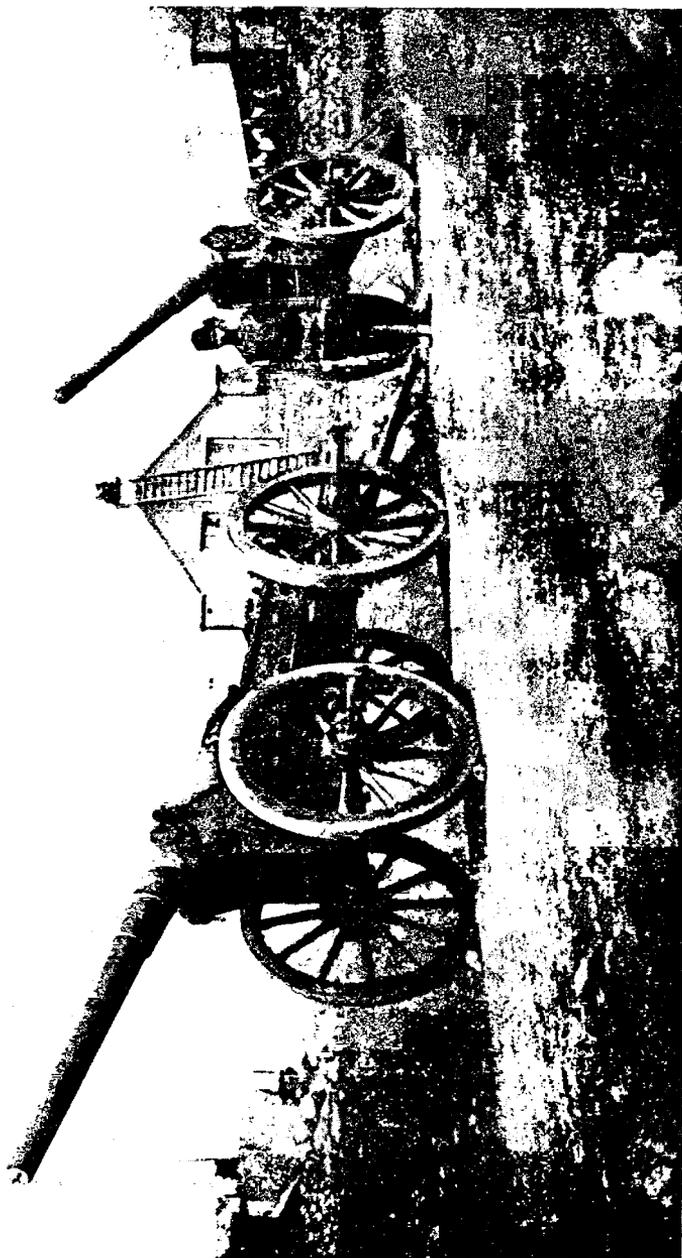
Съ момента нашего отступленія съ позицій у Чифонтана и Шаселитезы, на позиціи у Цзиньджоу настало безпокойное время; безпрестанные малые ночные бои на линіи нашей охранной цѣпи и ожиданіе ночного штурма заставляли половину всѣхъ нашихъ войскъ по ночамъ бодрствовать; я ночью не раздѣвался и не снималъ сапогъ; а безпрестанныя телефонныя депеши и все ночью, мнѣ не давали сомкнуть глазъ. Всѣ были страшно утомлены.

12-го утромъ непріятель открылъ страшную бомбардировку позиціи; мы всѣ были на мѣстахъ и отвѣчали непріятелю сильнымъ артилерійскимъ огнемъ. Но эта бомбардировка мало принесла намъ вреда; всѣ орудія остались цѣлы, но работать около большого орудія было невозможно. Было нѣсколько раненыхъ и между ними, очень сильно, капитанъ Бучацкій, командиръ нашей 11-й роты.

Не могу не рассказать эпизода со змѣемъ; для чего привезли на позицію этотъ змѣй, я не знаю, такъ какъ наблюдать за непріателемъ можно было и съ любой нашей горы, такъ же какъ и со змѣя, но безъ риска сверзиться на землю. Команда, привезшая его съ господиномъ Куриловымъ, очень храбрымъ человѣкомъ, вздумала пустить его въ самый разгаръ бомбардировки. Змѣй взлетѣлъ высоко и конечно обратилъ на себя вниманіе японцевъ; дождь шрапнелей посыпался на головы смѣлой команды, и, во избѣжаніе излишнихъ потерь, я приказалъ его спустить. Слава Богу, команда и г. Куриловъ остались цѣлы.

Бой на Кунджоуской позиціи.

Въ ночь съ 12-го на 13-е я съ адъютантомъ и ординарцемъ ночевали на № 13-мъ въ блиндажѣ, довольно ветхомъ, но все же способномъ укрыть насъ отъ полевыхъ снарядовъ непріятельской

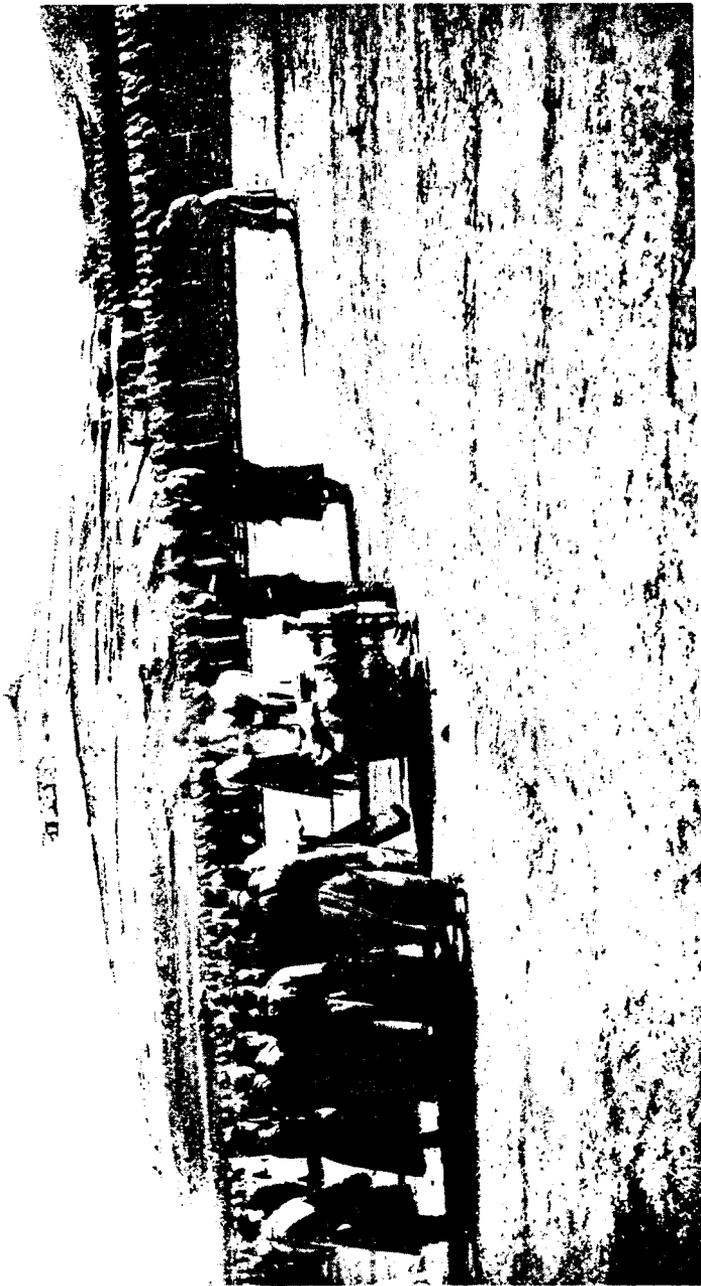

42-хъ линейныя пушки Кинджоусской позиціи.

артилеріи. Съ вечера все было спокойно, но часовъ съ 12-ти ночи непріятель зашевелился; съ передовыхъ постовъ доносили, что слышать передвиженіе артилеріи; на правомъ флангѣ наши посты были потѣснены назадъ уже пѣхотными частями. Погода была

ужасная, шелъ проливной дождь и гремѣлъ громъ. Предвидя, что непріятель начнетъ атаку нашего праваго фланга и, въ случаѣ успѣха, обойдетъ городъ, я, не желая оставить ему трофеемъ 400 человекъ городского гарнизона, который былъ необходимъ мнѣ и на позиціи, приказалъ коменданту капитану Еремѣеву, не давая себя обходить со всѣхъ сторонъ, отступить отъ города на позицію еще тогда, когда южныя ворота будутъ свободны и расположиться въ траншеяхъ нашего лѣваго фланга. Непріятель атаковалъ городъ часа въ 3 ночи, но, не имѣя успѣха, сталъ обходить его; тогда комендантъ вышелъ черезъ южныя ворота и съ боемъ отступилъ къ позиціи. Одинъ взводъ, запоздавъ воспользоваться воротами, прыгнулъ прямо со стѣнъ внизъ съ высоты 3-хъ саженъ и отступилъ благополучно. Но въ ночной темнотѣ люди попали не на тѣ позиціи, которыя имъ были мною указаны, и на то мѣсто, гдѣ должна была стать вся 10-я рота, попало только два ея взвода, подъ командой подпоручика Меркульева. Другая полурота съ командиромъ роты капитаномъ Гусовымъ, полурота 9-й роты съ капитаномъ Соколовымъ заняли пустые окопы у редута № 8-й. 3-я охотничья команда заняла нижніе окопы у того же редута, но большая ея часть правильно пошла на лѣвый флангъ позиціи.

Наши войска на позиціи были разставлены слѣдующимъ образомъ: крайній правый флангъ съ редутомъ № 2 занимала 2-я рота, у желѣзной дороги и въ редутѣ № 1—1-я охотничья команда; дальше уголь никѣмъ не былъ занятъ, и 12-я рота стояла у бывшей каменоломни, 3-я рота стояла дальше по траншеямъ, а за ней 8-я, 4-я, 1-я охотничьи команды, въ редутѣ № 8-й—6-я рота; дальше за оврагомъ 5-я, 7-я, $\frac{1}{2}$ роты 10-й роты и къ берегу Кинджоусскаго залива стали двѣ охотничьи команды 13-го и 14-го полковъ въ окопахъ на равнинѣ. У батареи № 15—3-я рота 14-го полка и взводъ нашей 7-й роты, пространство отъ охотничьихъ командъ и до батареи № 15—совершенно не было занято. Четыре нашихъ пулемета, подъ командой подпоручика Лобырева, стали за расположеніемъ 7-й роты, на скатахъ къ берегу, и четыре морскихъ пулемета, подъ командою мичмана Шиманскаго, стояли за нашей 1-й охотничьей командой. Укрѣпленія внутри позиціи, давашія ей возможность обороняться по частямъ и тѣмъ усиливавшія упорство обороны, какъ то: центральный редутъ, редутъ № 13 и многія траншеи за недостаткомъ людей—также совсѣмъ не были заняты; у меня въ резервѣ оставалась 11-я рота 5-го полка, $\frac{1}{2}$ рота 9-й роты и двѣ роты 13-го полка. Начальниками частей позиціи мною были на-

Незадолго до молебна передъ боемъ на Киндзоуской позиціи. Вдали на вершинѣ редутъ и батарея № 13, гдѣ находились во время боя командиры 5-го полка (постройки около — это помещенія караула и гауптвахты).

значены: праваго фланга, до расположенія батарей № 1 — капитанъ Стемпневскій I, центра (12, 3, 8 и 4-я роты) — подполковникъ Блорзоръ, лѣваго фланга 6-я рота, 1 охотничья команда; 5-я и 7-я роты и весь лѣвый флангъ — подполковникъ Сейфулинъ. Артилерія пози-

ціи состояла изъ орудій, расположенныхъ въ 15-ти батареяхъ (смотри планъ № 1); батарея № 1 была вооружена.

Съ разсвѣтомъ 13-го мая, непріятель сталъ сильно бомбардировать позицію; снаряды летѣли градомъ и особенно на нашъ номеръ 13; когда разсвѣло достаточно, я въ бинокль разглядѣлъ непріятеля; его батареи стояли сплошной линіей отъ Цзиньджоускаго залива и до Тальенванскаго (бухты Хунуэза) и нѣсколько батарей, видимо, крупнаго калибра, стояли по склонамъ горъ за городомъ. Непріятель снарядовъ не жалѣлъ. Четыре его канонерскихъ лодки, можетъ быть, между ними были и миноносцы, подошли къ Кинджоусской бухтѣ близко къ берегу, а два большихъ корабля стояли у входа въ эту бухту, уже въ тылу нашей позиціи. Морскія суда стрѣляли снарядами очень крупныхъ калибровъ. Непріятельской пѣхоты пока видно не было; но артилерійскій огонь былъ страшный, поэтому мы зашли въ блиндажъ. У входа на полкѣ стояло ведро съ водой; какъ теперь помню, я, опасаясь за его цѣлость, велѣлъ переставить дальше въ глубь блиндажа, но не успѣлъ человекъ подойти къ нему, какъ шрапнель разорвалась въ самомъ блиндажѣ, и вода фонтаномъ потекла изъ пробитаго ведра на полъ. Бомбардира Птюшку ранило въ голову, а мнѣ контузило ногу. Блиндажъ наполнился дымомъ до такой степени, что въ немъ трудно было дышать, и я съ большинствомъ присутствовавшихъ вышелъ въ редутъ. Тутъ я замѣтилъ бисерныя линіи непріятельскихъ стрѣлковъ противъ нашего праваго фланга; наша 4-я и 8-я роты открыли огонь, но цѣпь все-таки медленно двигалась на насъ, оставляя на землѣ маленькія черныя черточки; нашъ огонь былъ, видимо очень дѣйствителенъ; недаромъ мы вымѣрили всѣ дистанціи. Часовъ въ 8 утра въ бухту на правомъ нашемъ флангѣ вошло какое то большое судно; ну, думаю, и 2-й ротѣ достанется съ моря. Вообразите же мою радость, когда я увидалъ, что корабль началъ стрѣльбу по правому флангу непріятеля, и я узналъ нашего «Бобра»; къ сожалѣнію, онъ стрѣлялъ недолго и скоро ушелъ въ море. Было уже 9 часовъ, когда непріятельскія цѣпи были замѣчены у Кинджоусской станціи и за холмами передъ ближайшими деревнями, сплошь передъ всѣми ротами, начиная со 2-й и кончая 8-й, стрѣлковый огонь перешелъ въ сплошную трескотню. Ко мнѣ прибылъ отъ подполковника Бѣлозора вѣстовой съ донесеніемъ. Подполковникъ писалъ: «непріятель передъ нами и атакуетъ, а вамъ извѣстно, что у насъ до 700 шаговъ никѣмъ не занятыхъ траншей. Необходима помощь». Я самъ видѣлъ, что атака японцевъ напра-

Церемониальный маршъ на Кинджоусской позиціи (проходить конная охотничья команда).

вляется на пашу 8-ю роту. Передъ всѣми остальными цѣпи остановились и шла усиленная перестрѣлка; къ угрожаемому пункту я послалъ вторую полуроту 11-й роты. Въ это время у меня въ резервѣ были $3\frac{1}{2}$ роты: 11-я р. моего полка, двѣ роты 13-го полка,

оставленные мною отъ ночныхъ работъ, и $1\frac{1}{2}$ нашей 9-й роты. Непрiятельскiя роты подошли уже къ проволочной сѣткѣ передъ 8-й и 4-й ротой, но не могли удержаться, въ безпорядкѣ отхлынули назадъ, скрылись за неровностями мѣстности и открыли отчаянную стрѣльбу. Тогда мнѣ стало ясно, что японской пѣхоты намъ бояться нечего. Въ это время отъ подполковника Бѣлозора прибѣжалъ другой посыльный; требовалась немедленная помощь, но я уже отправилъ къ нему вторую полуроту 11-й роты и былъ увѣренъ, что этого достаточно. Въ это время передъ 2-й ротой непрiятельскiе стрѣлки заняли южную опушку д. Медетенъ, а такъ какъ деревня эта скрывала мѣстность за собой, то у меня явилось опасенiе, что непрiятель, подъ прикрытiемъ этой деревни, соберетъ значительныя силы и обрушится на 2-ю роту, тѣмъ болѣе, что отъ д. Медетенъ до позицiи было только 400 шаговъ; но, сообразивъ, что атака эта беретъ во флангъ огнемъ 12-й роты, успокоился. Я упустилъ изъ виду сказать, что къ этому времени непрiятельская пѣхота была расположена уже передъ всей позицiей такимъ же полукругомъ, какъ и артилерiя, и стрѣлковый огонь неумолкаемо трещалъ по всей линiи; кромѣ того мы видѣли, что правый флангъ непрiятеля вошелъ въ воду Кинджоусскаго залива и двинулся въ обходъ по водѣ; но черезъ нѣсколько минутъ былъ остановленъ нашей артилерiей и стрѣлковымъ огнемъ (очень впрочемъ дальнимъ); вѣроятно, люди этой обходной колонны были всѣ перебиты, такъ какъ шевелящихся было очень мало, и всѣ лежали неподвижно. Непрiятельскiя цѣпи то приближались къ позицiи, то удалялись; наши стрѣлки, выдерживая натискъ пѣхоты, страшно терпѣли отъ артилерiйскаго огня непрiятеля. Получилъ извѣстiе, что подполковникъ Радецкiй, только что прикомандированный къ полку, убитъ.

Около 11 часовъ утра я получилъ донесенiе отъ командира 6-й роты, что его передовая траншея вся разрушена артилерiей съ моря и съ фронта, и людямъ за ней нельзя укрываться; осталось шаговъ пять за переваломъ. Это меня очень обезпокоило; къ тому же я замѣтилъ, что непрiятель передъ лѣвымъ нашимъ флангомъ сильно зашевелился, и массы его съ нашего фронта отъ впереди лежащихъ импаней начали двигаться къ лѣвому флангу, а правый флангъ непрiятеля, уже давно сидѣвшiй въ водѣ Кинджоусскаго залива, двинулся впередъ. Этотъ флангъ у меня защищали: 7-я рота, $1\frac{1}{2}$ 10-й роты, большая половина 3-й охотничьей команды нашего полка (остальная часть ея отступила въ окопы у № 8 ре-

дута), двѣ охотничьи команды 13-го и 14-го полковъ, подъ командой поручиковъ Руссау и Бондалетова, и у № 15 батареи—3-я рота 14-го полка, капитана Ушакова, съ однимъ взводомъ 7-й роты. Силь было бы достаточно для отбитія атаки, но очень пострадавшая 5-я рота меня очень смущала. Для усиленія обороны участка 5-й роты я послалъ $\frac{1}{2}$ 9-й роты въ траншеи къ редуту № 8 на его лѣвый флангъ, чтобы фланговымъ огнемъ поражать наступающаго на 5-ю роту непріятеля, и еще ранѣе, для встрѣчи наступающаго на 5-ю роту непріятеля, послалъ въ, такъ называемый, глубокой окопъ роту капитана Ротайскаго. Этихъ мѣропріятій было совершенно достаточно, чтобы запереть доступъ непріятеля на позицію черезъ участокъ 5-й роты нашего полка. Я сильно надѣялся еще на наши пулеметы, которые я поставилъ съ подпоручикомъ Лобыревымъ за лѣвымъ флангомъ 7-й роты; ихъ было четыре. Это страшная сила, свободно замѣняющая цѣлую роту; они были отлично укрыты въ небольшихъ ложементахъ. Немедля послалъ объ этомъ донесеніе. (Я посылаю донесенія о всякомъ замѣченномъ мною явленіи на полѣ сраженія, а также и о донесеніяхъ съ позиціи отъ начальниковъ ея частей).

Около 12-ти часовъ дня непріятель вдругъ прекратилъ перестрѣлку; его артилерія также замолчала. Пользуясь этимъ, я сошелъ съ батареи № 13 внизъ на дорогу къ отходящимъ съ позиціи артилеристамъ; къ тому же мы замѣтили по дорогѣ генерала Фока съ адъютантомъ. Капитанъ Высокихъ 1-й доложилъ мнѣ, что артилеристы понесли большія потери, и снаряды на всѣхъ почти батареяхъ израсходованы. Такъ какъ у нихъ не было винтовокъ, то я отпустилъ ихъ съ позиціи. И вотъ мы съ 12-ти часовъ остались безъ артилеріи. До этой перемолчки мнѣ съ горы было видно, какъ угасалъ нашъ артилерійскій огонь и какъ непріятельскія бомбы на куски рвали нашихъ артилеристовъ. Артилерійская безпомощность наша была ясна съ момента открытія непріятельской канонады; эту массу огня и вообразить себѣ невозможно; гранаты и бомбы рвались непрерывно надъ каждой изъ батарей и редутомъ № 13, гдѣ можно было сидѣть только прижавшись плотно къ брустверамъ, изрѣдка высовывая головы для наблюденія за происходящимъ; когда огонь усиливался до невозможности, мы скрывались въ ветхій блиндажъ, оставшійся еще со времени китайской войны. Отъ мелкихъ снарядовъ онъ могъ насъ укрыть достаточно; тамъ можно было писать, посылать донесенія и принимать посыльныхъ; но бомбы морской артилеріи сильно заставляли насъ опасаться за

нашу безопасность; одной такой было бы достаточно, чтобы всѣхъ насъ похоронить подъ развалинами этой ветхой постройки. Всѣ овраги были буквально завалены осколками гранатъ и шрапнелей. Наша несчастная артилерія была такъ занята борьбой съ артилеріей противника, что не обратила вниманія на непріятельскія суда, громившія наши лѣвофланговыя укрѣпленія. Это, впрочемъ, неудивительно, такъ какъ батареи не чувствовали на себѣ огня непріятельскихъ кораблей; ихъ громила артилерія съ фронта, которой онѣ изъ чувства самосохраненія и отвѣчали въ началѣ довольно энергично. Посланное мною приказаніе на бат. № 4-й, направить огонь на непріятельскія корабли, видимо, не дошло до командира батареи. Потомъ огонь нашъ сталъ слабѣть, наконецъ, страшная убыль въ людяхъ и, на многихъ батареяхъ, недостатокъ снарядовъ прекратили огонь нашихъ батарей. На № 9, когда изъ строя были выведены всѣ люди, кромѣ одного, этотъ одинъ продолжалъ самъ стрѣльбу изъ всѣхъ своихъ орудій. Онъ по очереди заряжалъ орудія и стрѣлялъ, пока непріятельская бомба не прекратила дѣятельности этого героя. Несмотря на всѣ мои старанія, я не могъ узнать его фамиліи—миръ праху твоему неизвѣстный герой, ты честь и гордость родного войска.

Громадное большинство орудій остались цѣлыми; были подбиты только два орудія въ центрѣ позиціи и всѣ орудія на батарее № 15, противъ которыхъ дѣйствовали и два корабля, стоявшія у входа въ бухту.

Гробовое молчаніе продолжалось на позиціи съ часъ. Сошедши въ нижнія траншеи, я хотѣлъ подойти къ генералу Фоку, показавшемуся, какъ я уже сказалъ, внизу на дорогѣ къ батарее № 10, но оттуда онъ скоро куда-то уѣхалъ, и я его такъ больше и не видалъ. Вѣроятно, онъ оврагами прошелъ прямо на ст. Тафашинъ.

Попадавшіеся въ тылу солдаты 5-й роты говорили, что этой ротѣ пришлось плохо, и она, бросивши передовую траншею, заняла редутъ № 9 и близлежащіе овраги. Во всѣхъ остальныхъ траншеяхъ и укрѣпленіяхъ люди бодро стояли на своихъ мѣстахъ. Послѣ часу перемолчки опять началась канонада, затрещала перестрѣлка, и я пошелъ на свой наблюдательный пунктъ. При этомъ непріятель буквально осыпалъ насъ градомъ шрапнели; одна изъ нихъ разорвалась надъ самыми головами сзади меня идущихъ двухъ моихъ посыльныхъ; одного убила наповалъ, а другого ранила въ голову; этотъ убитый былъ и нашимъ санитаромъ. Сильно пожалѣли мы товарища. Черезъ нѣкоторое время загорѣлся нашъ складъ патроновъ близъ батареи № 10.

Полевая батарея № 9 (на Циньдзюуской позиціи), на которой, за выбѣгѣмъ всей прислуги, стрѣляли до конца своей жизни одинъ изъ всѣхъ орудій, самъ же заряжая ихъ, неизвѣстный герой-артиллеристъ.

На судъ генералъ Фокъ утверждалъ, что командиръ 14-го полка сообщилъ ему, будто мое донесеніе о пожарѣ патроннаго склада невѣрно, и онъ цѣль; очевидно, командиръ полка говорилъ про погребъ, а не про складъ, который имѣлъ видъ деревяннаго

барака, а не погреба; погребъ (складъ нашихъ продуктовъ) былъ цѣль дѣйствительно, но складъ съ патронами сгорѣлъ на моихъ глазахъ.

Затѣмъ явились зловѣщіе признаки нѣкотораго разстройства лѣваго фланга (участка 5-й роты); оттуда шли люди и, не оставиваясь, проходили въ тылъ позиціи. Но никакихъ донесеній отъ командира 5-й роты я не получалъ. Затѣмъ мною было замѣчено, что артилерійскій огонь непріятели сосредоточился на участкѣ 5-й и 7-й ротъ; я предвидѣлъ атаку на эти пункты, но не боялся за прорывъ, такъ какъ рота Ротайскаго и редутъ № 8 съ его окопами дѣлали этотъ прорывъ невозможнымъ, тѣмъ не менѣе я сильно нуждался въ резервѣ и донесъ генералу Фоку о томъ, что мнѣ нечѣмъ будетъ возстановить боя, если непріятель собьетъ насъ съ переднихъ частей позицій. Я настоятельно требовалъ подкрѣпленій, но генералъ Фокъ, руководствуясь неопровержимымъ, по его мнѣнію, положеніемъ, что подкрѣпленій просятъ и ихъ употребляютъ въ дѣло всегда раньше, чѣмъ это нужно и, считая, вѣроятно, меня также растерявшимся, все не обращалъ вниманія на мои требованія, или не хотѣлъ ихъ удовлетворить, а положеніе становилось критическимъ. Охотники на лѣвомъ флангѣ, а также 5-я и 7-я роты были разстроены, особенно 5-я. Рота капитана Любимова 14-го полка, стоявшая у меня въ резервѣ, куда-то скрылась, да такъ, что штабсъ-капитанъ Тимошенко, посланный мной, чтобы вести ее на указанное ему мною мѣсто (лѣвый флангъ, промежутокъ между нашей 7-й ротой и ротой капитана Ушакова у № 15), не могъ найти ее и возвратился назадъ. У меня теперь подъ рукой не было ни одной роты. Впослѣдствіи оказалось, что рота Любимова получила таки мое приказаніе отъ охотника и пошла на позицію къ нашимъ 5-й и 7-й ротамъ на лѣвый флангъ, но никѣмъ не направляемая, попала не туда. Я, впрочемъ, не виню командира капитана Любимова, онъ выполнилъ приказаніе, но сталъ не на правый, а на лѣвый флангъ роты капитана Ушакова. Мѣсто долженъ былъ показать штабсъ-капитанъ Матюшенко, а онъ роты-то и не нашелъ. Капитанъ Любимовъ виноватъ только тѣмъ, что перемѣнилъ мѣсто безъ моего разрѣшенія.

Черезъ нѣкоторое время, около 4-хъ час. дня, если не ошибаюсь, ко мнѣ прибылъ офицеръ съ докладомъ о томъ, что въ мое распоряженіе пришли двѣ роты 14-го полка 6-я и 7 я. Получилъ я и записку отъ ген. Фока, въ которой онъ мнѣ приказывалъ употребить эти роты только при отступленіи съ позиціи, а не сажать

ихъ въ мои траншеи. Что записка была такого содержанія, можетъ подтвердить и мой адъютантъ шт.-кап. Фелицинъ, и эта записка, можетъ быть, найдется въ дѣлахъ 5-го полка или въ его дневникѣ. Тогда я понялъ, что ген. Фокъ помогать мнѣ отстаивать позицію не будетъ, а это было сдѣлать очень не трудно; нужно было только дать мнѣ еще одинъ баталіонъ въ резервъ.

Кстати сообщу одинъ изъ моихъ многочисленныхъ разговоровъ съ начальствомъ объ оборонѣ позиціи и силахъ, для того необходимыхъ. Увѣряя, что позицію эту нужно оборонять не меньше, какъ тремя полками, я, въ концѣ концовъ, просилъ ген. Надѣина дать мнѣ въ резервъ хоть одинъ баталіонъ, такъ какъ весь мой полкъ долженъ былъ пойти на оборону окоповъ, и съ трудомъ я въ резервъ могъ оставить только одну роту; при этомъ все внутреннее пространство позиціи оставалось незанятымъ. Генераль Надѣинъ увѣрялъ меня, что насъ поддержать не однимъ баталіономъ и что японцы не атакуютъ позиціи со всѣхъ сторонъ (почему это онъ такъ думалъ, я рѣшительно не знаю). «Тогда», говорилъ онъ, «вы можете притянуть къ угрожаемому мѣсту роты съ другихъ, не атакованныхъ частей позиціи». Убѣжденный вполне, что это предположить невозможно, я настаивалъ на присылкѣ мнѣ во время боя, хотя одного баталіона въ резервъ. Но ген. Надѣинъ все продолжалъ успокаивать меня поддержкой даже цѣлымъ полкомъ, не только баталіономъ. «Такъ дайте же мнѣ этотъ полкъ въ мое распоряженіе», сказалъ я. «Ну вотъ еще, батенька, вы хотите командовать всѣми войсками», возразилъ мнѣ ген. Надѣинъ. Такъ мнѣ и не дали ничего.

А отъ подполковника Бѣлозора пришла просьба о подкрѣпленіи. Хотя я теперь уже не видалъ наступленія на его участокъ, но въ виду настоятельности этой просьбы и чтобы быть совершенно спокойнымъ за правый флангъ (деревня Медетень противъ нашего праваго фланга была сильно занята японцами, и насыпь желѣзной дороги могла скрывать отъ моего наблюденія большія массы японскихъ войскъ), я рѣшилъ послать ему $\frac{1}{2}$ роты 14 го полка, капитана Кузьмина, давно мнѣ знакомаго, хорошаго офицера. Около 6-ти часовъ надъ нашими головами по 13-му номеру стали сильно свистѣть пули, мой полковой горнистъ былъ раненъ пулей, и я лично повелъ его въ блиндажъ для перевязки. Съ лѣваго фланга люди въ желтыхъ курткахъ шли уже группами; не прошло и 5 минутъ, какъ въ блиндажъ вошелъ подпоручикъ Садьковъ и доложилъ, что лѣвый флангъ отступаетъ. Я выбѣжалъ

изъ блиндажа и увидѣль, что желтыя куртки отступали массаами. а надъ 7-й и 5-й ротами сильно рвалась шрапнель и тамъ шла сильная перестрѣлка. Японскія же цѣпи лежали на своихъ мѣстахъ, и ничто не показывало признаковъ ихъ скорого наступленія. Понявъ, что это отступаютъ всѣ охотники, а за ними могутъ пойти и всѣ остальные, я, не имѣя приказанія отступать съ позиціи, сбѣжалъ внизъ къ резерву и приказалъ присланнымъ генераломъ Фоккомъ частямъ (1^{1/2} ротѣ 14-го полка) двинуться противъ показавшихся уже на № 10 японцевъ. Когда мы сбѣгали внизъ, насъ сильно обстрѣливали съ сосѣдней горы.

Я думалъ, остановивши отступающихъ, двинуть ихъ за резервомъ въ контръ-атаку и взявши высоты бат. № 10, поправить дѣла лѣваго фланга. Генералъ Фокъ на судѣ заявилъ, что я не могъ отдать распоряженія резерву двинуться на японцевъ, но онъ ошибся. Его сбило съ толку показаніе капитана Ротайскаго, который заявилъ, что, отступая, видѣль, какъ за мной гнались японцы и какъ я вскочилъ отъ нихъ въ окно барака. Въ окно я не бросался, а прямо сѣлъ на лошадь и поскакалъ, чтобы остановить отступающихъ. Японцы тогда стрѣляли въ меня съ высотъ надъ бараками. Вскочилъ же въ баракъ не я, а японскій офицеръ, за которымъ погнались 4 человекъ изъ резерва, по моему же указанію и убили его въ баракѣ, въ доказательство чего, шашка этого офицера была представлена командиру 14-го полка. Приказаніе же мною было отдано, и отъ этого не откажется начальникъ резерва, который подбѣжалъ ко мнѣ и спросилъ: «что же намъ дѣлать»? — «Атаковать», сказалъ я и указалъ рукой, кого атаковать и гдѣ. Послѣ этого уже я вскочилъ на лошадь и поскакалъ къ отступающимъ. Я надорвалъ себѣ горло, крича имъ: «стой, стой, братцы». Но они въ свою очередь кричали мнѣ: «ваше высокоблагородіе, приказано отступать». Кто приказалъ отступать, я не разобралъ. Но въ это время непріятель, увидѣвши отступающихъ изъ-за массива Наньшаня, открылъ по нимъ такой страшный шрапнельный огонь, что остановить людей не было никакой возможности. Шрапнельной пулей моей лошади прострѣлило конецъ уха и она стала бѣситься. Остановить отступающихъ мнѣ удалось только на тыловой позиціи, заранѣе нами выбранной въ верстѣ отъ Киньджоусскихъ высотъ. Когда люди остановились, я посмотрѣлъ назадъ на Киньджоусскія высоты: оттуда двумя группами спускались наши стрѣлки, вѣроятно 7-я и 5-я роты; № 13 былъ занятъ японцами; они же виднѣлись и на остальныхъ высотахъ и

стрѣляли по отступающимъ, которые скоро исчезли въ глубокихъ оврагахъ. Тогда я занялъ вышеназванную тыловую позицію отступившими, усилилъ ихъ баталіономъ 14-го полка (командиръ подполковникъ Гусаковъ) и удлинилъ боевое расположеніе до ст. Тафашинъ. Баталіонъ этотъ я нашелъ въ оврагѣ за тыловой позиціей. Остальную часть 14-го полка я нигдѣ не видѣлъ; вѣроятно, она была скрыта дальше, въ глубинѣ нашего тыла. Здѣсь ко мнѣ пришла наша конная охотничья команда съ нашимъ знаменемъ. Мы спокойно ожидали наступленія непріятели. На правомъ флангѣ Киньджоусской позиціи слышалась еще сильная пальба, и непрятельская артилерія сильно стрѣляла и по насъ, и по правому флангу; къ Тафашину шли и проходили черезъ него наши правофланговые роты. Я приказалъ имъ сосредоточиться въ верстѣ за Тафашиномъ на дорогѣ. Атаковать насъ японцы что-то не рѣшались. Уже совсѣмъ было темно, когда я направился къ горѣвшей станціи Тафашинъ, чтобы осмотрѣть расположеніе остановившихся впереди ея стрѣлковъ, какъ вдругъ раздался страшный взрывъ и на меня полетѣли горячія доски, бревна и угли. Не понимаю, какъ я и сопровождавшіе меня остались живы. Это взорвали горящую станцію штабные генерала Фока, вѣроятно по его приказанію. Человѣкъ 20 нашихъ стрѣлковъ и одинъ офицеръ, капитанъ Салярскій, были жертвами этого безцѣльнаго взрыва. Уже была ночь, когда получилось приказаніе 14-му и 5-му полкамъ отступать, и я, оставивъ конные дозоры для наблюденія за непріателемъ, съ конной командой пошелъ къ Нангалину. Двигаясь по дорогѣ отъ д. Мойдзы къ Нангалину, я встрѣтилъ нашу 7-ю роту и въ обширной долинѣ увидѣлъ всю 4-ю дивизію, стоящую бивакомъ. Тутъ же я нашелъ отступившія роты 5-го полка и приказалъ выяснитъ убыль. Очень многихъ изъ нашихъ товарищей не хватало. Первоначальный подсчетъ показалъ убыль въ 1,500 человѣкъ и 75 офицеровъ. Грустно было смотрѣть на страшно порѣдѣвшіе ряды славнаго полка; жаль было героевъ-офицеровъ, отступавшихъ позади своихъ ротъ, но я не замѣтилъ упадка духа. Не могу здѣсь не почтить память славно павшихъ въ бою товарищей и не упомянуть о ихъ славныхъ дѣяніяхъ. Поручикъ Крагельскій не хотѣлъ отступать и, пропуская мимо себя своихъ охотниковъ, съ каждымъ прощался. Командиръ 3-й роты, капитанъ Косовскій, еще раньше говорилъ, что отступать не будетъ и остался вѣренъ своему слову; оставшись въ окопѣ, онъ былъ убитъ тогда, когда выпустилъ всѣ заряды своего револьвера въ японцевъ. Командиръ

9-й роты, капитанъ Соколовъ, также не хотѣлъ отступать и пашкой зарубилъ нѣсколько японцевъ прежде, чѣмъ его закололи штыками. Штабсъ-капитанъ Шастинъ и подполковникъ Бѣлзоръ, почитаемые нами убитыми, жертвуя своей жизнью для спасенія отступающихъ, собрали 4-ю роту и людей, около нихъ бывшихъ, и, остановившись, открыли огонь по обходящимъ японскимъ колоннамъ. Эта команда вся легла до одного человѣка, но дала возможность отступить спокойно остальнымъ. Весь лѣвый флангъ объяснялъ отступление приказаніемъ. Я впослѣдствіи разобралъ этотъ вопросъ. Генералъ Фокъ, около 6 ч. вечера, послалъ офицера съ приказаніемъ отступить; офицеръ до меня не доѣхалъ, а вѣроятно послалъ охотника, который также не попалъ ко мнѣ, а проѣхалъ на лѣвый флангъ и тамъ передалъ приказаніе охотникамъ 13-го и 14-го полковъ. До командира 7-й роты дошло приказаніе черезъ подпоручика Меркульева и, кромѣ того, онъ самъ видѣлъ охотника на вороной лошади, кричавшаго и махавшаго шапкой въ сторону тыла; послѣ этого только онъ приказалъ своей ротѣ отступить. Фактъ присылки приказанія отступить подтверждаютъ единогласно почти всѣ нижніе чины и нѣкоторые гг. офицеры, а также заурядъ-прапорщикъ Каминарь (5-го полка).

Письмо поручика Садыкова ко мнѣ объ этомъ обстоятельстве и представилъ при описаніи артурскихъ событій въ комисію, разбиравшую дѣло генерала Стесселя. Въ немъ сообщалось, что подпоручикъ Музалевскій самъ видѣлъ и слышалъ, какъ генералъ Фокъ отдалъ приказаніе отступить присланному мною ординарцу моему поручику Глѣбъ-Кошанскому, который съ охотникомъ на вороной лошади полетѣлъ назадъ исполнять приказаніе генерала. Когда я останавливалъ отступавшихъ охотниковъ, поручикъ Глѣбъ-Кошанскій и его охотникъ доскакали до Киньджоусскихъ высотъ и послѣдній оврагомъ пробрался къ батарее № 10, когда японцы были уже на позиціи (этотъ герой охотникъ не вернулся) и передалъ приказаніе; наша 7-я рота и рота капитана Ротайскаго тогда спокойно стояли на своихъ мѣстахъ; только послѣ приказанія они стали отходить. Въ то время, когда въ Петербургѣ со всѣхъ концовъ государства собрались артурцы на разборъ дѣла генерала Стесселя, я изъ распросовъ участниковъ точно выяснилъ обстоятельства Киньджоусскаго боя. Вотъ что опредѣлилось: охотники 14-го, а главное 13-го полковъ начали покидать свои окопы часа въ четыре, къ тому времени, когда я ихъ увидалъ отступающими массой, у поручика Руссоу въ окопахъ осталось не больше 10 чело-

вѣкъ; но остальные роты—7-я и 5-я нашего полка, рота капитана Ротайскаго еще стояли на позиціи. Поручикъ Глѣбъ-Кочанскій съ охотникомъ поскакалъ съ донесеніемъ къ генералу Фоку въ то время, когда я спустился съ № 13 и сѣлъ на лошадь. Поэтому охотникъ на вороной лошади дѣйствительно могъ доскакать на позицію и передать приказаніе прежде, чѣмъ я остановилъ отступавшихъ охотниковъ. Выяснилось съ очевидностью, что японцы явились на батарею № 10 и другихъ внутреннихъ мѣстахъ позиціи раньше, чѣмъ 7-я и 5-я роты начали отступать. Это произошло, вѣроятно, такимъ образомъ: когда охотничья команда 13-го полка съ подпоручикомъ Бандалетовымъ и часть охотниковъ 14-го полка начали отступать (въсѣдствіе фланговаго огня съ канонерокъ, но не отъ стрѣлковаго; цѣпи японцевъ ближе 600 ш. не подходили), непріятель, укрываясь неровностями мѣстности, послѣдовалъ за ними и почти на ихъ плечахъ, оврагами и водомоинами влѣзъ въ незанятые нами наши окопы, а оттуда и на батарею № 10 и дальше. Но японцевъ было немного; въ центрѣ пройти они не могли, потому что 5-я рота была въ большомъ оврагѣ, 6-я—въ редутѣ № 8 и рота Ротайскаго—въ глубокомъ ложементѣ; эти роты не могли пропустить японцевъ и, повторяю, цѣпи японскія были на моихъ глазахъ и до появленія охотниковъ у насъ въ тылу, не двигались. На правомъ флангѣ, по рассказамъ офицеровъ, дѣла шли такъ: послѣ отбитія атакъ на 8-ю и 4-ю роты, непріятель поддерживалъ усиленный артилерійскій и ружейный огонь, не приближаясь къ нашимъ окопамъ. Такъ было до самаго отступленія 5-й и 7-й ротъ. Когда же въ редутѣ № 8 замѣтили отступленіе лѣваго фланга и съ батареи № 5 японцы стали обстрѣливать нашъ правый флангъ въ тылъ, капитанъ Гусовъ собралъ бывшихъ тутъ офицеровъ и всѣ стали совѣщаться, что дѣлать; при этомъ, послѣ нѣкотораго времени колебаній, рѣшили отступать. Послали сообщенія объ этомъ въ остальные роты. При этомъ 4-я и 8-я роты, помня приказаніе, что отступленія не будетъ, отступать отказались. Ими командовалъ доблестный подполковникъ Бѣлорезъ, и ротными командами были: 4-й—шт.-капитанъ Шастинъ и 8-й—шт.-капитанъ Маковѣвъ. Съ отступленіемъ 6-й роты изъ редута № 8, роты 4, 8, 3 и отчасти 12 очутились въ безвыходномъ положеніи: въ тылу у нихъ были японцы, на № 5-мъ были японскіе пулеметы и съ фронта массы японцевъ, готовыхъ перейти въ атаку, которая и не замедлила совершиться. Видя своихъ на высотахъ нашихъ батарей и редутѣ № 8, непріятель передъ фронтомъ бросился въ атаку; но

наши славныя роты дружнымъ залпомъ моментально остановили отчаянный натискъ, положивши на мѣстѣ тысячи непріятельскихъ труповъ. Повернувшись лицомъ къ непріятелю, зашедшему въ тылъ, удалыя роты начками заставили его скрыться за высотами. Японцы на горѣ бѣлыми платками и жестами предлагали ротамъ сдаться, но въ отвѣтъ получали дружныя залпы. Пользуясь нерѣшительными дѣйствіями японцевъ, зашедшихъ въ тылъ, подполковникъ Бѣлзоръ задумалъ вывести роты изъ неравнаго боя и отдалъ приказаніе отступать. Люди, отстрѣливаясь, двинулись по траншеямъ къ тылу позиціи, теперь уже сильно страдающая отъ выстрѣловъ съ горъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось выходить изъ траншей, такъ какъ онѣ были завалены убитыми и ранеными. Все-таки ротамъ удалось добраться до батареи № 1; но тутъ подполковникъ Бѣлзоръ и шт.-капитанъ Шастинъ увидели японскія колонны, намѣревавшіяся отрѣзать наши роты, отступавшія съ центра позиціи. Непріятель наступалъ отъ берега Талиенванскаго залива. У доблестныхъ офицеровъ явилась мысль, для спасенія своихъ воспрепятствовать этому обходу, несмотря на непріятеля, напирającego съ горъ, и вотъ они собираютъ людей, останавливаютъ ихъ, и открываютъ огонь залпами по обходящимъ; тѣ повернули на нихъ и въ свою очередь стали обсыпать нашихъ огнемъ изъ винтовокъ и пулеметовъ. Долго продолжался этотъ страшный бой, пока отъ нашихъ героевъ не осталось ни одного человѣка, всѣ до единого полегли въ неравномъ бою, въ концѣ концовъ защищаясь не только штыками, но и зубами. Подполковникъ Бѣлзоръ, отъ потери крови, потерялъ сознаніе и упалъ. Капитанъ Шастинъ, прострѣленный въ грудь на вылетъ, также упалъ; оба были подобраны японскими санитарями, но герои солдаты были всѣ перебиты, и если капитанъ Шастинъ и подполковникъ Бѣлзоръ уцѣлѣли, то только благодаря японскому офицеру, который не приказалъ ихъ добивать. Нашъ правый флангъ отступилъ тогда, когда отступилъ лѣвый флангъ и японцы съ горъ начали обстрѣливать его фланговымъ огнемъ.

Получивъ приказаніе слѣдовать съ полкомъ въ Нангалинь, я выступилъ съ бивака 4-й стрѣлковой дивизіи, оставивъ тамъ свою конную охотничью команду; это было въ 10 или 11 ч. ночи. По дорогѣ, отъ какого-то артилерійскаго офицера я узналъ, что генералъ Надѣинъ, передъ критической минутой, послалъ ко мнѣ на помощь два баталіона (какъ-бы было хорошо, еслибы они до меня дошли), но генералъ Фокъ приказалъ ихъ вернуть. На судѣ этотъ

фактъ былъ опровергнуть. Еслибы ген. Фокъ рѣшился атаковать хотя двумя своими полками лѣвый флангъ непріятеля, истощившаго уже свои артилерійскіе запасы, и занятого перестрѣлкою съ нашими ротами и выставилъ-бы противъ этого фланга всю свою артилерію, непріятель былъ бы навѣрное сбитъ, и тогда побѣда могла быть и на нашей сторонѣ.

Говорятъ, что на судѣ или слѣдствіи ген. Фокъ сказалъ, что хотѣлъ перейти въ наступленіе. Жаль, что желаніе явилось поздно. Нужно знать масштаб напряженія нравственныхъ силъ человѣка, чтобы своевременно распоряжаться резервами и не держать ихъ за тридевять земель отъ боевой линіи, какъ это нужно—по принципу ген. Фока. «Держите резервы какъ можно дольше, такъ какъ ихъ требуютъ и расходуютъ всегда слишкомъ рано». И это справедливо; но до поры, до времени. Я понимаю значеніе этого принципа, но чтобы не ошибиться въ его примѣненіи, нужно зорко слѣдить за боемъ. На судѣ выяснилось, что ген. Надѣинымъ былъ посланъ на позицію цѣлый баталіонъ 14-го полка подполковника Голицинскаго, но онъ до позиціи не дошелъ и занялъ окопы, поставленные мною за деревней Тафашинъ на берегу моря, на случай, если бы непріятель сталъ обходить позицію по водѣ залива Хунуэза. Это отъ позиціи было больше чѣмъ на версту, въ тылу ея праваго фланга. Зачѣмъ тамъ понадобился баталіонъ, я рѣшительно не понимаю. Объ этомъ странномъ распоряженіи я ничего не зналъ и баталіона не видалъ, а у меня въ центрѣ онъ сыгралъ бы громадную роль. Двухъ начальниковъ на одномъ участкѣ поля сраженія быть не можетъ. А у насъ было три: ген. Фокъ, генер. Надѣинъ и я.

Н. Третьяковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

